

Счастье

Помню какую-то передачу,
где журналист у народных масс
всё выпытывал наудачу:
"Что такое - счастье для вас?"

И отвечали ему - нелепей
трудно придумать: "Когда весна!"
"Счастье - когда две радуги в небе!"
"Счастье - когда нам поёт "На-На"!"

Всё молодые ему девчонки
под микрофон попадались тогда.
Щёки горели, взлетали чёлки.
Что они знали в такие года?

А журналист их слушал вполуха,
всё кружил среди этих лолит,
и вдруг сказала одна старуха:
"Счастье - когда ничего не болит".

Девочка плачет у Окуджавы -
шарик спрятался в небесах.
Но не её, а старушку жалко -
слёзы той тяжелей на весах.

Целая жизнь пролегла меж ними,
путь от шариков - до молитв.
"Счастье - когда две радуги в небе!"
"Счастье - когда ничего не болит".

Солнце не ведает ночи озноба,
рассвет никогда не поймёт закат,
как юность - того, кто у двери гроба,
как нищету - кто, как Крез, богат.

Детских пирожных в песочнице прелесть
сменит старости чёрствый пирог.
Радуйте сердце, обманы апреля,
пока не настанет декабрьский срок!

Когда моего вдруг коснётся слуха
восторг наивный, что с фальшью слит,
мне вспоминается та старуха:
"Счастье - когда ничего не болит".

Что мне добавить к словам старухи?
Уточню только ряд идей.
Счастье - когда не стреляет в ухе.
Счастье - когда не стреляют нигде!

Счастье - когда наполнены миски,
когда хоть что-то есть впереди.
Счастье - когда не болеет близкий.
Когда не болит планета в груди.

Надежда, стой, не уходи.
Ты где-то там, в просторах сирых,
то впереди, то позади,
и я догнать тебя не в силах.

Скажи мне, как тебя зовут?
А лучше нет, не говори мне.
Я буду просто слушать звук
из детской сказки: «крабле, кривле...»

Пусть ноет сердце под рукой -
судьбы недоенное вымя,
своей надежде никакой
я снова выдумаю имя.

А я не заметила, что собеседника нет, -
должно быть, ушёл, а быть может, и не появлялся, -
и всё говорю — в пустоту, в микрофон, в Интернет...
Как мир переделать хотелось, а он мне не дался.

Но что мне укоры его, и уколы, и суд, -
превышен порог болевой и бессмысленна пытка.

Какую бы форму мирскую не принял сосуд -
единственно важно горящее пламя напитка.

Не в полную силу любя, отдавая, дыша,
в эфире тебе никогда не дожждаться ответа.
С последним лучом, как с ключом — отворилась душа,
и мгла озарилась доселе невиданным светом.

Сверкающий искрами вечный струится поток,
что движет неистовой силы небесное тело.
От дна оттолкнувшись, выходишь на новый виток,
где будет всё то, что когда-то от мира хотела.

Я позабуду умереть
и буду всё лететь куда-то,
и будут «сызнова» и «впредь»,
и ни одной конечной даты.

И буду я и будешь ты,
иные фазы, грани, числа,
метафор пышные цветы,
метаморфозы слов и смысла.

Другую притворюсь порой,
но помни это, в сердце нежа,
как шифр, как тайну, как пароль:
мы те же, те же, те же, те же...

Есть ты и я... а вот и нет.
Пошире распахни ресницы:
есть только музыка и свет,
есть только облако и птица.

Голубь

Я еле отскребла балкон
от голубинового помёта,
отныне объявляя: вон! -
исчадьям клёкота и лёта.

Как вдруг, нарушив (мой – не мой) –
стерильность обновлённых полок,
влетел нахально, как домой,
лохматый странноватый голубь.

Я налетела, как гроза,
руками замахав: а ну, мол!
А он глядел в мои глаза
и улетать совсем не думал.

Какого вам ещё рожна!
Но... что-то было в нём такое,
что я за крошками пошла,
насыпав щедрою рукою.

Он был калекой: без ноги,
с боков повыдернуты перья.
Он ел доверчиво с руки,
как будто знал меня издревле.

И вдруг всплыло, стуча в виски:
романс, как сизый голубочек
всё стонет, стонет от тоски,
что улетел его дружочек.

Я отзывалась на него
какой-то нотой одинокой
и понимала как никто
своей душою одноногой.

«Ваше время прошло...» Но оно же и не приходило!
В белых пятнах судьбы или слёз этот старый альбом?
Где ты, время моё, заблудилось, ходило-бродило
и стучалось в забитые двери измученным лбом?

Задыхаться без воздуха, звуков небесной капеллы
не улавливать сердцем — не самое страшное, Блок!
Воздух нам разрешён и гремят над землёй децибеллы,
но земля отчуждённо молчит, уходя из-под ног.

То ли в списках живых, то ли без вести где-то пропавших,
как дома, что под снос, но в которых упрямо живут...
Где ты, время моё подававших надежды, уставших
ждать, что вспомнят о них и на пир всеблагих позовут?

Мы — забытые фирсы в навек заколоченных дачах.
Мир ликует, гогочет, похожий на цирк шапито.
И горит как ожог, золотое клеймо неудачи
на лице поколенья, которому имя Ничто.

Средь инетного броского хлама
вдруг споткнулась о фразочку я:
«Здесь могла бы быть ваша реклама».
Пустота, окаймлённая рамой.
Непрописанность бытия.

Тишина в середине бедлама.
На квадрат засмотрелась я
зачарованно и упрямо...
Здесь могла быть жива моя мама.
Здесь могла бы быть жизнь моя...

И вдруг обожгло, как волной огня,
как с раны сорвали бинты:
Мамочка, как же ты без меня?
Не я без тебя, а ты?!

Плакала в трубку, когда задержусь
(до мобильных не дожидая),
сердце моё разорвётся — пусть! -
и ждала меня, и ждала.

И плакала, если видела сны,
где маленькой я была...
Мне в руки упало письмо весны -
листок твоего тепла.

Моё неверие посрамя,
ты шлѐшь мне за знаком знак.
Ну как там тебе одной без меня?
А мне без тебя — никак.

Стал как этот давно мне Тот свет.
Всѐ пронизано тьмою и светом.
Я не знаю, я есть или нет.
Только дерево знает об этом.

Звонким щебетом жителей гнѐзд
наполняя домашнюю клетку,
подставляя для слов или слѐз
мне свою кружевную жилетку.

То как мама окликнет впотьмах
утешительным шѐпотом листьев,
то в нём брата мерещится взмах
искривлѐнной колѐсами кистью.

Тень от вяза над старой плитой...
А с тенями отныне на ты я.
Я давно уже стала не той,
что любили мои золотые.

Сны свои сотворяя и для,
приручаю родимые выси.
Только дерево помнит меня,
осыпая сердечками писем.

Слова мои висят на проводах,
замѐрзшие пушистые комочки,
похожие на сиротливых птах,
которых достаю по одиночке.

Я каждое дыханьем оживлю,
оттаю, расколдую, рассекречу.

Я им ещё такое спеть велю,
что это будет посильнее речи.

Всё прочее — литература
Поль Верлен

Я не хочу стараться словом, —
на чём-то, родственном нулю,
неназываемом и новом,
молчать, как я тебя люблю.

На языке листвы и ветра,
певучих птах, летучих звёзд,
бездумно чувствовать и верить,
что смысл единственен и прост.

Они достались нам в наследство
и мучат памятью родства —
простые, чистые, как детство,
невыразимые слова.

Хочу не умствовать лукаво
и не закручивать хитро.
Как мысли азбучные правы,
где буки, веди да добро.

Душа — божественная дура.
Молчит, как девочка, светла...
Всё прочее — литература,
где нет ни жизни, ни тепла.

Стихи, стихи... А в жизни — как придётся.
Ныряю в это лето, словно в Лету.
И, может быть, мне счастье улыбнётся
на циферках трамвайного билета.

Трамвайное игрушечное счастье,
как часто ты меня манило пальцем,

бумажные раскидывая снасти,
но я предпочитала ехать зайцем.

Лучи зари давно уже погасли.
Рисунок звёзд похож на милый почерк.
Не получилась жизнь — ну и Пегас с ней.
Ведь главное — что было между строчек.

Не бывает ничего без причин.
Я и дня не проживу без причуд.
У людей бывает много личин,
только я не прикрываюсь ничуть.

Все пароли и логины — фигня.
Своим именем весь мир наделю.
Ты не требуй только ужин с меня!
Не мешай тебе писать, как люблю.

Говорю, листок в руках теребя,
сразу ставши непривычно легка:
«Этот стих я родила от тебя.
Это может подтвердить ДНК».

Ты пришёл ко мне в последний день зимы,
в долгожданный, судьбоносный, високосный.
И с тех пор — не ты, не я, а стало — мы.
Были вёрсты, а наутро стали — вёсны.

Ты пришёл, когда пурга и колотун,
а потом был день рожденья-возрожденья.
Мы на ощупь постигали теплоту,
мы вступали в шалашовое владенье.

Этот день двадцать девятый февраля -
окончания невзгод и непогоды,
день подснежников, свечей и хрусталя,
будем праздновать, лелея и храня,
только жаль — всего лишь раз в четыре года.

Солнце июля в субботней тиши.
Город разъехался на огороды.
В браузер утра что хочешь впиши:
«Книги». «Уборка». «Вдвоём на природу».

В тёплых ладонях упрячется прядь,
нос обоснуется в ямке ключицы.
Нам уже нечего больше терять.
С нами уже ничего не случится.

Утро — такое богатство дано!
Мы выпиваем его по глоточку.
Счастье вдвойне, оттого, что оно,
как предложение, близится к точке.

Тянется, как Ариаднина нить...
О, занести его в буфер программы
и сохранить! Сохранить! Сохранить!
Вырвать из будущей траурной рамы!

Круг абажура и блик фонаря,
солнечный зайчик над нашей кроватью...
Лишь бы тот свет не рассеялся зря,
лишь бы хватило подольше объятья!

Стражник-торшер над твоей головой.
В веках прикрытых скопилась усталость.
Свет мой в окошке до тьмы гробовой!
Сколько тебя и себя мне осталось?